Текст · 6 марта 2026, 08:03
Дмитрий Швец,

Выстрел в темноте. Кто и как довел до суицида иркутского майора МВД

Самоубийства сотрудников МВД в России не редкость: это тяжелая работа в жесткой иерархии, где начальство нередко ставит показатели и бюрократию выше благополучия подчиненных. Тем не менее руководителей почти никогда не привлекают к ответственности за суициды сотрудников. Известны лишь два дела о доведении силовиков до самоубийства, завершившиеся обвинительным приговором: в одном случае назначили условный срок, во втором — заочно осудили бывшую начальницу следственного отдела из Иркутска Елену Жмурову, к тому моменту уже переехавшую в Израиль. Ее подчиненный Александр Шошин застрелился ночью на рабочем месте после выволочки за плохую работу, и суд признал Жмурову виновной в доведении его до самоубийства. «Медиазона» рассказывает, как жил, работал и погиб Шошин — и почему решение по делу вынесли лишь через восемь лет после его смерти.

«Слишком порядочный для работы в системе». Служба Шошина

В конце 2017 года 30-летнему майору Александру Шошину из Иркутска, проработавшему в МВД 12 лет, оставалось около шести месяцев до желанной пенсии — о ней, по словам бывших коллег, он начал мечтать почти сразу после поступления на службу.

Сын состоятельного предпринимателя и бывшей судьи Шошин окончил Восточно-Сибирский институт МВД в 2008 году и сразу устроился следователем. Работу он прерывал ради адъюнктуры[1].

, но диссертацию не защитил и вернулся в иркутский отдел № 7. Позже один из коллег вспоминал, что там Шошина считали не слишком хорошим следователем; впрочем, и Александр с самого начала не был особо увлечен профессией.

В 2013 году в Иркутске создали новый следственный отдел МВД № 9 по микрорайону Солнечный — и Шошина перевели туда. Сначала он занимался делами без подозреваемых, так называемыми объектовыми, или неочевидными. Большинство из них остаются нераскрытыми, и от следователя, по сути, требуется лишь аккуратно и вовремя оформить документы. За Шошиным закрепили служебный автомобиль, и, по словам коллег, большую часть времени он фактически был водителем: работой его не перегружали и расследования поручали «совсем несложные».

Должность замглавы отдела № 9 с момента создания занимала Елена Жмурова, но с Шошиным они практически не пересекались, а в 2016 году, получив повышение до руководительницы, она ушла в декретный отпуск. Большую часть времени ее обязанности исполняла Лариса Пчелинцева. При ней Александр переключился на дела посложнее, где оперативники уже установили вероятных преступников. Их еще называют «лицевыми» — такие дела необходимо доводить до суда. Вскоре Шошин стал старшим следователем и получил звание майора. В это же время у него родился сын.

По воспоминаниям[2] Пчелинцевой, на новой должности Шошин сначала исправно направлял в суд по три-четыре дела в месяц, но потом стал работать хуже. В июне 2017-го, перед присвоением майорского звания, он попросился в отпуск: опасался дисциплинарного взыскания за затянутые сроки порученных ему расследований, которые могли сорвать повышение. Начальница согласилась. Другая коллега, Елена Бельская, тоже позже говорила в своих показаниях, что Шошин поначалу с энтузиазмом брался за сложные расследования, но быстро вымотался и стал говорить о возвращении к «неочевидным» делам.

«В силу мягкости и воспитанности он не мог должным образом построить работу с людьми по уголовным делам. Он не мог своевременно выяснить нужные вопросы при допросах, в связи с чем ему по несколько раз приходилось передопрашивать одних и тех же лиц. Я вообще считаю, что Шошин зря пошел работать в систему МВД, — рассуждала она. — Он был

слишком порядочным, интеллигентным, мягким, не мог справиться с работой в данной системе».

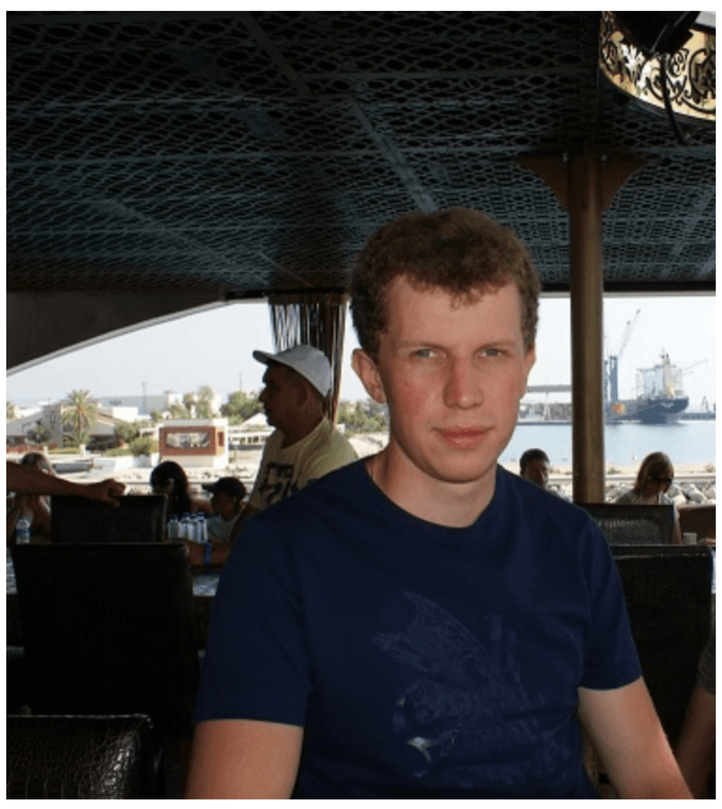
О мягком характере Александра позже говорили многие: друзья, родственники, одноклассники, знакомые по вузу и коллеги. Сослуживцы при этом соглашались, что результаты работы у него были не лучшими. По словам Пчелинцевой, после отпуска Шошин стал «волокитить» дела. На вопросы о причинах отвечал, что у него проблемы со здоровьем, но в детали не вдавался.

«Я стала обращать внимание, что когда резко заходишь в кабинет, Шошин сидит за столом, откинувшись на спинку кресла, как будто ему плохо, — вспоминала Пчелинцева. — Когда я заходила, он переставал так сидеть, резко обращался к компьютеру. Один раз я видела, что у него кровь шла из носа».

О кровотечениях и даже кратковременных обмороках Шошина вспоминали и другие, в том числе его коллеги из отдела № 7, причем они стали их замечать еще в 2012 году. Но самый серьезный случай произошел 3 августа 2017-го. В тот день Алексей Мануйлов, приятель и коллега Шошина, заметил у магазина небрежно припаркованный автомобиль Александра. Открыв дверь, он увидел его лежащим на передних сиденьях: Шошин тяжело дышал, был красный, мокрый и со следами рвоты на одежде. «Окна в машине были запотевшие настолько, что текла вода», — утверждал Мануйлов. Ударами по щекам он привел Шошина в чувство, и тот смог рассказать, что остановился покурить по дороге из

прокуратуры в следственное управление, где должен был отчитаться по делу. Дальше он ничего не помнил.

Александра госпитализировали в медсанчасть МВД. По итогам обследования ему поставили диагноз: астенический синдром и расстройство вегетативной нервной системы в виде «единичного и впервые возникшего», со слов больного, обморока.

Александр Шошин. Фото: соцсети

Пока Шошин лежал в госпитале, Пчелинцева распределила его дела между другими следователями, предварительно их изучив. Оказалось, что подчиненный по ним «практически не работал». Не улучшились его показатели и после выписки. Пчелинцева периодически замечала на его лице размазанную кровь — об этом она доложила начальству и даже съездила с Шошиным в больницу, но причины кровотечений так и не выяснила.

Осенью руководительница назвала психологу МВД Екатерине Жбановой нескольких «проблемных» сотрудников, среди них был и Шошин. Та поговорила с Александром, он признался, что устал и собирается уволиться, как только дослужит до пенсии. Психолог включила Шошина в группу

повышенного внимания по категории «сниженные адаптационные возможности».

Несколько коллег Александра вспоминали, что в разное время он просил их помочь ему перевестись на другую работу. Один из бывших однокурсников говорил, что Шошин находил вакансии, но согласования не получал, потому что «со следствия» на другие должности в МВД «практически не переводят».

В октябре 2017-го Шошин с психологом встретились дважды — на беседе и на сеансе психорегуляции с дыхательными упражнениями. В тот же месяц Шошин получил три дисциплинарных взыскания.

В ноябре была еще одна короткая встреча, после которой психолог сочла поведение Александра «стабильным, без видимых проблем и изменений». «Состояние Шошина не исключало ношение им табельного оружия», — позже подчеркивала Жбанова на допросе.

«Имела влияние на коллектив». Возвращение Жмуровой

25 октября из полуторагодового декретного отпуска вернулась начальница следственного отдела № 9 Елена Жмурова; подчиненные встретили ее с цветами, шарами и тортом.

Впоследствии о Жмуровой они отзывались по-разному. Одни называли ее справедливой, но требовательной, другие — вспыльчивой: по их словам,

Жмурова могла повысить голос, если была недовольна чужой работой.

К примеру, одна из сотрудниц, Наталия Агапова[3]-

, отмечала, что у Жмуровой были приближенные следовательницы, которым та делала поблажки и с которыми поддерживала связь даже во время декрета, таким образом продолжая иметь «влияние на коллектив».

Агапова утверждала, что с руководительницей не конфликтовала, а вскоре вообще перешла в другой отдел. Однако после ее ухода Жмурова отправила ей несколько сообщений «гневного содержания», в которых, в частности, радовалась, что бывшая подчиненная «свалила с их отдела». Точных цитат Агапова не привела, но позднее в показаниях отметила, что в сообщениях была нецензурная брань.

Шошин возвращения Жмуровой опасался. По словам Мануйлова — того самого, кто летом обнаружил Александра без сознания в машине, — его коллега был уверен, что та будет к нему «цепляться».

Отношения между ними действительно не сложились. При этом и в показаниях, и в разговоре с «Медиазоной» Жмурова отзывалась о бывшем подчиненном без злобы, но качество его работы ее явно не устраивало.

Практикантка, закрепленная за Шошиным, считала, что руководительница относилась к нему «как-то предвзято». Четверо других сотрудников утверждали, что Жмурова позволяла себе оскорбления в его адрес, к примеру, называла Александра «тряпкой»;

позже их показания легли в основу дела против начальницы отдела. Сама Жмурова обвиняет их в оговоре и настаивает, что помогала Александру с делами даже в нерабочее время, хотя могла бы вместо этого писать рапорты с требованием привлечь его к дисциплинарной ответственности.

«Хуже бабы». Еще один сложный день на работе

Утром 1 декабря жена Шошина нашла мужа лежащим на полу рядом с небольшой лужей крови, он пожаловался на потемнение в глазах и судорогу в ноге; накануне он поздно лег — в материалах дела отмечается, что в два часа ночи он установил в *WhatsApp* статус «Киллер». Медики скорой помощи не стали его госпитализировать, и супруга отвезла Александра на работу.

Начало и конец месяца для следователей — напряженное время отчетов, а у майора Шошина накопилось немало «хвостов», но после недолгого разговора в кабинете Жмуровой он попросил жену отвезти его в поликлинику МВД. Врачам он в тот день сказал, что нервничает и переутомляется, упоминал проблемы с руководством. Ему диагностировали цереброастенический синдром — хроническую усталость, но больничный не дали.

Возвращаться в отдел Шошину не хотелось — друг и коллега Виктор Бычковский предупредил, что после его отъезда в больницу начальница была «пиздец злая», и советовал подумать о переводе в другой отдел: Жмурова «[говорила, что] ты не будешь там

работать». Но делать было нечего — к обеду жена привезла Шошина обратно.

Впрочем, незадолго до этого у Александра и так появилась надежда на смену работы: приятель из другого следственного отдела рассказывал, что через пару недель там появится две вакансии. 1 декабря Шошин напомнил товарищу о том разговоре. «Жмуриха дала мне время до вторника съебаться», — добавил он и вызвался заехать на разговор о переводе «хоть завтра», добавив, что ему «главное — от белуги уйти». Была пятница, собеседование назначили на понедельник.

Сама Жмурова позже говорила, что не требовала от Шошина немедленного перевода, но тот сам объявил, что уйдет на новое место в начале следующей недели. О своих планах он сообщил и отцу. Тот решение сына поддержал и пообещал ему помощь друга семьи, возглавлявшего отдел противодействия коррупции в областном управлении ФССП[4].

Вернувшись после больницы в отдел, Александр узнал, что все четыре его уголовных дела уже переданы другим сотрудникам; одно из них досталось дежурившей в тот день следовательнице Екатерине Зерниной. Шошина поставили на суточное дежурство вместо нее.

По словам Зерниной, отношения между майором и начальницей обострились именно из-за этого дела. Но проблема, как она утверждала, была не в качестве расследования Шошина, а в «очень проблемных обвиняемых» — двух ранее судимых карманниках. В разговоре с «Медиазоной» Жмурова соглашается

с оценкой бывшей подчиненной: она описывает их как «матерых рецидивистов» и «прожженных урок», с которыми культурному и тихому Шошину было трудно работать. Одного из карманников, Артура Сафронова, 1 декабря задержали и доставили в отдел; впоследствии он стал свидетелем по делу уже против Жмуровой.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

В показаниях Сафронов уверял, что в тот день слышал, как Жмурова ругала Шошина за затянутые сроки расследования, негодовала, «как такой тюфяк смог дослужиться до майора», кричала, что он «хуже бабы» и называла «симулянтом». Сама бывшая начальница это отрицает и настаивает, что Сафронов либо отомстил ей за их ссору в отделе, либо получил деньги за показания от родных Шошина.

«Сейчас мы, конечно, все сожалеем, что считали симулянтом, но его все таким считали, — объясняет Жмурова. — Вот у него пойдет кровь из носу, а он ее размажет и ходит весь день. Умойся, почему так ходишь? Была явная демонстрация своего состояния». По ее утверждению, она не знала, что Шошин находился под наблюдением психолога, потому что ей об этом не сообщили.

«Утром на взъебку». Самоубийство Шошина

Несмотря на планы перейти в другой отдел, в ту пятницу Шошин написал жене, что теперь будет дежурить сутки через двое, зато ему «вроде» перестанут выдавать дела. «От них все можно ожидать, может, и будут», — добавил он и пожаловался, что начальница «ходит и орет» на него.

Вечером на рапорте Жмурова отчитала Александра при коллегах. Следовательница Елена Прейма в своих показаниях вспомнила, что начальница говорила, что Шошин «всех подставил своим расследованием» и что ему нужно «вести себя по-мужски, как полагается офицеру, чтобы остальные не делали его работу за него».

После этого сотрудники засобирались домой. На улице Прейма и ее коллега Дмитрий Сыроватский подошли к Шошину, чтобы вместе покурить; тот даже удивился — думал, что после выволочки от начальницы коллеги не захотят с ним общаться. «Мы стали подбадривать Шошина и говорить, чтобы он помнил, что его дома ждет и семья, и ребенок, а остальное наладится», — вспоминала Прейма. Тогда Александр рассказал, что скоро переведется в другой отдел и все утрясется. «Эти слова Шошина успокоили меня, так как я подумала, что раз человек говорит о будущем, то все в порядке», — отметила следовательница.

В отделе остались дежурные. Начальница поручила Александру за ночь доработать материалы по еще одному делу — утром с ними надо было ехать в областное управление МВД для продления срока следствия. Это дело, как считает Жмурова, Шошин тоже «заволокитил» и боялся грядущей взбучки.

В восемь вечера она написала подчиненному: «Шошин, как принял, что нас ждет Перякин[5].

Часам к девяти-десяти нужно. Надеюсь, дело будет в порядке», — а следом добавила: «Хотя не надеюсь даже». Она трижды звонила ему, последний раз — в 23:00. Судя по данным[6] с телефона Александра, это был его последний телефонный разговор.

Жене в тот вечер Шошин написал: «Завтра меня в резерв поставила, плюс утром иду на взъебку в область, дежурю в понедельник опять, короче пиздец». Затем он спросил о сыне. Жена ответила, что ребенок лежит на диване под одеялом и говорит: «Бай-бай, папа тут, бай-бай». На прощанье она сказала Александру, что любит его, попросила по возможности поспать и беречь себя.

Утром в служебном чате отдела -=СОлнечный=-[7] не появилось привычного суточного отчета дежурного следователя. Шошин не отвечал на звонки; его кабинет был заперт, но изнутри доносилась вибрация телефона.

Дверь вскрыли канцелярским шилом. Между столом и стеной в луже крови лежало тело Александра. В отдел вызвали всех следователей, вскоре приехали

сотрудники Следственного комитета и управления собственной безопасности МВД.

Фотографию тела отправили в чат его однокурсников, к вечеру оно оказалось в интернете. В переписке обсуждали возможные мотивы самоубийства и тяжелую службу. Кто-то советовал «запустить инфу» о гибели Шошина в СМИ в надежде, что «начальство шелохнется».

«Работа работой, довели — уволься, всегда есть выход», — написала одна из участниц чата.

«Это как надо довести, чтобы застрелиться, вот вам и работа, ужас просто», — рассуждал другой.

«Что ни дело, то говно». Первые показания следователей

О том, что накануне самоубийства Шошина начальница публично его отчитала, уже на первых допросах сообщили несколько следователей. Виктор Бычковский, который накануне предупреждал Александра о дурном настроении Жмуровой, сказал, что на вечернем рапорте она назвала Шошина «дебилом» и отзывалась о его работе так: «Что ни дело, то говно».

Следователь Дмитрий Сыроватский вспоминал, что она назвала Шошина «тряпкой ебаной» и «унижала его мужское достоинство». Фразу о «тряпке» подтвердил и его коллега Егор Пискарев, который отмечал, что начальница в целом позволяла себе

резкие и оскорбительные выражения, и практикант Герман Шаламов.

Другие сотрудники о прямых оскорблениях не говорили; некоторые лишь вспоминали, как начальница 1 декабря сказала, что Шошин подвел коллектив.

Елена Жмурова. Фото: соцсети

Сама Жмурова утверждала: максимум, что она могла сделать, — это посоветовать ему сменить работу, если он не справлялся, и сказать что-то вроде: «Саша, ты же мужик, ты одел погоны, ты должен тащить эту лямку».

Об унижениях на работе говорили и родственники Александра, они же настаивали на возбуждении дела о доведении до самоубийства. Однако комиссия МВД нарушений в работе отдела не выявила. В итоге Следственный комитет сначала отказал в возбуждении дела, потом все же завел его. Постановления СК начала отменять уже прокуратура, ее решения оспаривались в судах. Жмурова говорит, что исправно посещала все заседания, а с ней «на связи» был сотрудник прокуратуры, который «все изучил» и подсказывал, как вести себя в суде.

В мае 2019 года свое решение вынес заместитель генерального прокурора Виктор Гринь. Он указал, что следствие установило лишь «единичный факт оскорбления Шошина» начальницей, а этого недостаточно, чтобы говорить о систематическом унижении на работе.

Почти год спустя адвокат Шошиных повторно опросил трех сотрудников отдела — Бычковского, Сыроватского и Шаламова, — которые и ранее говорили, что слышали, как Жмурова оскорбляла их погибшего коллегу. Они пояснили, что на первых допросах следователи сосредоточились на последнем рабочем дне Шошина и не интересовались, что происходило до этого, а это не дает полной картины происходящего.

Бычковский рассказал, что после выхода из декрета Жмурова постоянно придиралась к Шошину. По словам Сыроватского, она пыталась настроить его против Александра, говорила ему, что «Саша ни хера не делает», а на рапортах повторяла, что из-за Шошина весь отдел будет задерживаться на работе. Бывший практикант Шаламов припомнил, что еще 30 ноября слышал, как начальница назвала Шошина тряпкой — то ли «ебаной», то ли «ссаной».

Все трое настаивали, что другие следователи молчали из страха перед Жмуровой, но теперь смогут рассказать, как все было; бывшая начальница отдела к тому моменту вышла на пенсию, переехала в Израиль и получила там гражданство. Адвокат попросил следствие передопросить свидетелей, и в октябре 2020-го, почти через три года после гибели Шошина, делу дали ход.

Елена Жмурова стала обвиняемой в деле о доведении подчиненного до самоубийства (пункт «а» части 2 статьи 110 УК).

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

«Не видел иной возможности решить ситуацию». Обвинения в предвзятости в атмосфере подозрительности

На самом деле после самоубийства подчиненного Жмурова оставалась во главе отдела совсем недолго: уже через неделю она вернулась в декрет, а позже перешла в организационно-зональный отдел. То есть большая часть опросов сотрудников и проверок проходила уже без нее как руководительницы.

Однако то обстоятельство, что только четверо сотрудников вспомнили конкретные оскорбления в адрес погибшего, СК в итоге объяснил нежеланием следователей «навредить уважаемому человеку», «опорочить честь мундира» и «выносить сор из избы», а также «ложным пониманием работы начальника следственного органа».

Уже после возбуждения дела свидетели на новых допросах начали упрекать друг друга в предвзятости и замалчивании. К примеру, Сыроватский и Бычковский говорили, что после первых опросов Жмурова или ее заместительница Анна Матвеева вызывали сотрудников и интересовались, что именно те рассказали следствию. Сыроватский даже утверждал, что когда начальница узнала содержание его объяснений, ее отношение к нему «резко ухудшилось», и именно тогда он задумался об увольнении.

Сама Жмурова настаивает, что четверо следователей ее оговорили. По ее словам, Бычковский, работу которого она тоже критиковала, уговаривал других коллег дать против нее показания. В подтверждение она ссылается на слова тогдашнего руководителя всего отдела[8] полиции № 9 Романа Сябренко.

Во время опроса тот действительно говорил, что слышал от сотрудников, будто Бычковский «оказывал воздействие на молодых следователей» и убеждал их «дать показания, не соответствующие действительности», чтобы привлечь Жмурову к ответственности. «Он же опер, у него свои агенты даже в отделе. Ему доложили», — комментирует Жмурова.

Бывший заместитель Жмуровой Тимур Хоженоев также припомнил «слухи» о том, что некоторые сотрудники подписали объяснения, «не соответствующие действительности», поскольку следовательница СК заверила их, что это «ни на что не влияет». А другая заместительница, Анна Матвеева, и вовсе утверждала, что сотрудница Светлана Чугайнова, которая в показаниях говорила,

что Жмурова «кричала на Шошина» и требовала перевестись, лично ей призналась, что ее слова «исказили». Сама Чугайнова, однако, это отрицала.

В итоге, несмотря на путаницу в показаниях и взаимные обвинения в предвзятости, четверо следователей уверенно заявили, что Жмурова не раз оскорбляла и унижала Шошина.

К материалам дела приобщили заключение лингвиста. Эксперта попросили разъяснить лексические значения слов «тюфяк», «слюнтяй», «сосунок», «дебил», «тварь», «баба», «ебаная тряпка» и фраз «ты не мужик», «хуже бабы», «ты не можешь ответить за себя, как мужик», «проебланить до пенсии». Специалист привел их очевидные значения и указал, что подобные выражения недопустимы в официально-деловом общении.

В деле есть и материальное доказательство. В ноябре 2017 года Шошин использовал в работе старый бланк с указанием звания «капитан». Жмурова при проверке перечеркнула его и написала сверху: «Майор, к сожалению». Позднее она уверяла, что приложила к материалам записку со словами: «Ты так и не исправил свои бланки», но она куда-то в итоге делась.

Посмертную психолого-психиатрическую экспертизу провели специалисты Института имени Сербского. Они пришли к выводу, что «оскорбительное, агрессивное поведение Жмуровой» усугубило кризисное состояние Шошина и «способствовало развитию суицидального поведения». Точную мотивацию установить не удалось, но эксперты указали, что его аффективный

суицид стал «результатом взаимодействия личности (индивидуальных особенностей и состояния) и ситуации (действий Жмуровой)».

В материалах дела также указано, что в кармане у Шошина нашли феназепам[9], а в организме — фенобарбитал[10]. Эксперты сочли, что последний был принят «в терапевтических дозах» и не мог повлиять на его психофизиологическое состояние.

Это основные доказательства, легшие в основу обвинения. В деле есть и показания знакомых и родных Шошина о его жалобах на службу, но ключевыми стали свидетельства коллег о постоянных прямых оскорблениях со стороны Жмуровой.

Следствие при этом отметило высокие профессиональные качества бывшей начальницы отдела и «многочисленные положительные характеристики», указав, что предвзято она относилась именно к Шошину. В заключении говорится, что ее «оскорбительное» поведение и «многократные угрозы увольнения» создали Александру невыносимые условия службы, усугубили кризисное состояние и привели к тому, что он «не видел для себя иной возможности решить сложившуюся ситуацию, кроме как лишить себя жизни».

«Начать жизнь с чистого листа». Суициды сотрудников МВД

Статья о доведении до самоубийства применяется довольно редко: по данным Судебного департамента, в 2025 году по ней были осуждены 19 человек, а дело Жмуровой стало лишь вторым случаем, когда сотрудника МВД осудили за суицид подчиненного.

Одно из подобных дел расследовали в Уфе в 2016 году, но в итоге, по всей видимости, никого не обвинили. В августе того года в отделе полиции застрелился следователь Ильгизар Ишмухаметов. Накануне он опубликовал во «ВКонтакте» видеообращение, в котором рассказал о предвзятом отношении своей начальницы Индиры Ахтямовой. По его словам, та постоянно критиковала его, навязчиво говорила об увольнении и перегружала сложными делами ради выполнения плана. Ишмухаметов признался, что устал от ругани и постоянного давления. «Если следствие останется таким, какое оно сегодня, там вообще не стоит работать. До свидания», — закончил он обращение.

СК тут же отчитался о возбуждении дела о доведении до самоубийства, но об итогах расследования не сообщалось. Вероятно, дело закрыли: спустя два года бывший коллега Ахтямовой рассказал «Медиазоне», что она заняла руководящую должность в другом отделе. Как и в деле Шошина, комиссия МВД не сочла руководство ответственным за суицид Ишмухаметова.

Друг Шошина Виктор Бычковский вспоминал, что видео уфимского следователя обсуждали многие в их отделе; Александр тогда сказал, что «стреляться — это не выход».

В июне 2018-го, через полгода после гибели Шошина, из-за суицида другой сотрудницы МВД возбудили дело, впервые завершившееся обвинительным приговором. 27-летняя следовательница Кристина Стребельцева застрелилась в кабинете, а через два с половиной года суд в Лангепасе (ХМАО) назначил ее руководительнице условный срок. Этот приговор потом приобщили к делу о гибели Шошина.

Коллеги Стребельцевой вспоминали, что в день гибели она созванивалась с матерью, плакала, а затем исчезла; ее, как дежурную, принялись искать и нашли уже мертвой в кабинете. Позже выяснилось, что она была пьяна.

Незадолго до самоубийства девушка искала в интернете «реально ли найти работу за 24 часа», изучала вакансии и вбивала в поисковик фразу: «Самое время начать жизнь с чистого листа». В ее телефоне нашли сохраненную молитву о примирении с руководительницей. Но главное — она оставила предсмертную записку, в которой прямо указала, что до суицида ее довела начальница, которую она напоследок назвала «тварью». Фотографию записки публиковала *Baza*.

Экс-начальница следственного отдела МВД утверждает, что не знает, почему девушка так написала. Она согласилась поговорить с «Медиазоной» лишь при условии, что ее имя и фамилия не будут упоминаться в статье. По ее словам, с погибшей она не конфликтовала и лишь требовала выполнения плана, с которым подчиненная не справлялась, хотя при переводе из Алтайского края уверяла, что имеет опыт работы по сложным делам.

В итоге начальница перевела сотрудницу на простые дела без подозреваемых.

Спустя полгода после смерти Стребельцевой руководительницу отдела понизили до следователя и перевели в другой город, а в мае 2019-го она стала подозреваемой по делу о смерти подчиненной. Сама бывшая сотрудница МВД считает, что это случилось только из-за того, что «резонанс пошел». «Лангепас — небольшой городок, кто-то, может, на меня обиделся», — добавляет она.

Часть работников дала показания против начальницы, другие говорили, что ничего не знают о ее конфликте со Стребельцевой. Экс-глава отдела вспоминает, как одна из сотрудниц признавалась, что ее и коллег «подначивали» ее оболгать, поэтому сначала все в отделе «дали нейтральные показания», а затем их поменяли. «Город маленький, и для трудоустройства ей не хотелось бы портить отношения со здешними людьми», — пересказывает она слова другой сотрудницы.

Тем не менее среди других доказательств вины начальницы отдела был, например, график дежурств, из которого следовало, что Стребельцева дежурила чаще коллег. В приговоре отмечено, что «всем следователям было очевидно», что таким образом руководительница проявляла «негативное, несправедливое отношение» к подчиненной и стремление ее уволить. Сама осужденная сотрудница МВД настаивает, что дежурства распределялись равномерно, а приговор «подгоняли под состав преступления».

Упоминались и записки с формулировками вроде «в голове опилки» и «пустая голова следователя» — их, как утверждается, начальница Стребельцевой вкладывала в дела подчиненной. Сама она говорит, что ничего подобного не писала; экспертиза, однако, признала авторство за ней.

Экс-начальницу отдела обвиняли в доведении до самоубийства[11] лица, находящегося от нее в зависимости, и в превышении[12] должностных полномочий с причинением тяжких последствий. Последнее обвинение суд снял, а первое смягчил до обычного доведения до самоубийства.

В суде обвиняемая предполагала, что причиной суицида могла стать неустроенность Стребельцевой в личной жизни. Похожей версии в своем деле придерживается и Жмурова.

«Не сделала ничего противозаконного». Приговор

Когда Жмурова уже переехала с мужем и детьми в Израиль, а дело о доведении до самоубийства еще не возбудили, она обнаружила в документах упоминание файла с выгрузкой данных из айфона Шошина и запросила его через адвоката; СК, по ее словам, нехотя его отправил.

Жмурова отмечает, что из его переписок можно предположить, что Шошин изменял жене. Узнав об этом, защитник экс-начальницы Роман Кравцов связался с матерью Шошина Светланой и договорился о встрече в кафе. Там он показал ей

переписки Александра и предлагал «остановиться», поскольку эти материалы придется обсуждать в суде. «Она сказала: "Нет, я иду до последнего", хотя была крайне удивлена и не знала такой грязи про сына», — говорит Жмурова.

Еще до получения данных с телефона Кравцов на одном из заседаний суда по обжалованию отмены возбуждения дела говорил, что причины суицида следователя могут быть иными: «У меня жена, маленький ребенок, родители за стенкой, машина, дом, и я иду стреляюсь? Мне до пенсии оставалось полгода, и я иду стреляюсь? Да это абсурд. Дотерпел бы уж. Как-то же он работал. Но этого не произошло. Считаю, что нужно выяснить, что произошло».

Мать погибшего возражала против расширения версий суицида. Она пожаловалась, что Жмурова распространяла «порочащую информацию» о ее сыне: что он «всю жизнь страдал эпилепсией», что у него были проблемы с женой, что Шошин «постоянно был болен» и тайно наблюдался в клиниках. «Она говорила, что у него настолько большие проблемы в семье, якобы чуть ли не до развода», — негодовала Светлана Шошина.

Сейчас Жмурова объясняет, что «про эпилепсию ей рассказали люди», а под «проблемами в семье» она имела в виду справку о первичном бесплодии Шошина, диагностированном за два года до рождения сына.

Бывшая начальница настаивает, что причинами самоубийства могло стать не ее отношение к подчиненному, а, к примеру, шантаж со стороны

мужа предполагаемой любовницы или проблемы со здоровьем. Суицид Шошина она назвала «интереснейшим делом», которое «можно было расследовать и расследовать, все проверить». «У отца [Шошина] был бизнес, ему дом поджигали из-за бизнеса отца», — размышляет женщина.

Жмурова, по ее словам, все-таки надеялась на оправдательный приговор. Однако в итоге Октябрьский районный суд Иркутска заочно назначил ей неожиданно большой срок: 13 лет колонии.

Тогда бывшая сотрудница МВД завела телеграм-канал, где публикует выдержки из материалов дела, скриншоты переписок и собственные версии причин суицида Александра, которые, по ее мнению, следствием «не проверены вообще». На вопрос об этичности публикаций личных сообщений погибшего Жмурова отвечает, что его близким «конечно, ужасно такое узнавать», однако публичность дела повредила и ее семье; старшей дочери сотрудницы МВД на момент случившегося было 13 лет. «Моему ребенку стыдно, а за что? Я не сделала ничего противозаконного», — возмущается Жмурова. По ее словам, в отличие от нее, родственники Шошина пошли «во все СМИ».

Удалось найти одно интервью матери погибшего, в котором Светлана вкратце пересказала версию следствия, добавив лишь, что ходили слухи о предсмертной записке ее сына: в ней якобы говорилось, что своим поступком Александр хотел остановить Жмурову.

Данные из телефона Шошина, изученные корреспондентом «Медиазоны», не дают четкого понимания причин самоубийства. Известно только, что летом и прямо перед гибелью он заходил на сайт *pobedish.su*, созданный для людей с суицидальными намерениями. А его последние поисковые запросы касались выстрела в голову.

Редакторы: Мария Климова, Анна Павлова

---

1. Форма подготовки научно-педагогических кадров силовых структур, военный аналог аспирантуры.
2. Все цитаты сослуживцев Шошина взяты из материалов дела.
3. Она исполняла обязанности Жмуровой до Пчелинцевой, а позже перевелась в другой отдел.
4. Федеральной службы судебных приставов.
5. На тот момент — заместитель руководителя следственного управления МВД по Иркутску.
6. Материалы уголовного дела есть в распоряжении «Медиазоны».
7. Буквы СО образуют «следственный отдел».
8. Туда входил и следственный отдел, который возглавляла Жмурова.
9. Распространенное успокоительное средство, которое назначают для снятия тревоги и улучшения сна.
10. Сильное успокоительное, снотворное и противосудорожное средство.
11. Пункт «а» части 2 статьи 110 УК.
12. Пункт «в» части 3 статьи 286 УК.